

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

(на материале английского и русского языков)

В статье затрагиваются проблемы национально-культурного своеобразия лексики, которое может проявляться как в наличии так называемой безэквивалентной лексики, так и в отсутствии лексики, имеющейся в других языках, то есть в наличии языковых лакун. И те и другие заметны лишь при сопоставлении языков. Обратиться к исследованию безэквивалентной лексики нас побудило то, что ее доля в национальных словарях достаточно высока и составляет, по некоторым данным, 6–7 % от общеупотребительной лексики. Будучи заимствованными в другой язык, безэквивалентные слова образуют достаточно специфический слой лексических единиц с точки зрения их фонетической, грамматической и семантической организации (речь идет о словах-экзотизмах, которые не столько раскрывают или толкуют другую культуру, сколько символизируют ее). Закрепляясь в языке-реципиенте, искомые лексические единицы проходят долгий путь ассимиляции.

Настоящее исследование посвящено безэквивалентной лексике, или лексическим единицам (словам и устойчивым сочетаниям слов), обозначающим специфические явления той или иной культуры и не имеющим однословных эквивалентов в других языках.

Безэквивалентная лексика составляет достаточно большой массив лексики любого развитого языка. В результате процесса заимствования безэквивалентная лексика меняет свой статус и переходит в разряд экзотической лексики в языке-реципиенте. Здесь, однако, следует отметить, что А. И. Смирницкий, описывая заимствования, проникшие в английский язык в период становления Англии как колониальной державы, использует словосочетание «экзотические слова» в несколько более узком значении, а именно, как синоним выражения «колониальные слова», или лексические единицы, обозначающие черты быта туземных племен, названия местных животных, растений, продуктов питания и т.п. [1, с. 217–218]. Наряду с термином *экзотизм* можно также встретить термины *этнографизм*, *регионализм* [2].

Экзотические лексические единицы весьма разнообразны с тематической точки зрения. Среди них можно выделить следующие лексико-семантические группы: названия лиц, в том числе и формы обращения, названия национальных предметов одежды и обуви, названия продуктов питания, национальных блюд и напитков, названия национальных праздников, названия национальных музыкальных инструментов, названия животных и растений, названия единиц территориально-административного деления, населенных пунктов и строений, названия национальных валют и т.п. Более того, некоторые авторы, например, А. Е. Супрун [3, с. 53], предлагают отнести к экзотизмам и некоторые имена собственные, так как само употребление подобных слов, по их мнению, уже создает местный, национальный колорит.

Первые лексические единицы, представляющие безэквивалентную лексику русского языка и отражающие особенности государственного устройства России, русского быта и т.п., проникают в английский язык уже в XVI–XVII веках благодаря развитию политических и торговых связей между Россией и Англией. Среди них А. И. Смирницкий приводит такие лексические единицы, как *boyar*, *cossack*, *muzhik*, *voivoda*, *tsar*, *altyn*, *rouble*, *copeck*, *verst*, *poud*, *telega*, *samovar*, *kvass*, *vodka* и другие [1, с. 217]. В дальнейшем этот список постоянно пополняется. Тем интереснее представляется то, что экзотическая лексика английского языка, имеющая русское происхождение, представлена достаточно узко в толковых словарях современного английского языка и насчитывает не более 30 лексических единиц. Среди них такие широко известные во всем мире слова, символизирующие русскую культуру, как *balalaika*, *blini*, *borscht*, *dacha*, *rouble*, *samovar*, *tsar* (*tzar*, *czar*), *tsarism* (*tzarism*, *czarism*), *vodka* и т.п. (см., например, «Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English» (2005) [4]).

На фоне приведенных выше примеров несколько необычно выглядит лексическая единица *babushka*. Являясь английским экзотизмом, она, тем не менее, не входит в разряд безэквивалентной лексики в русском языке. На первый взгляд русское слово *бабушка* является эквивалентом английского слова *grandmother*. Однако если сравнивать их более внимательно, становится очевидным несоответствие культурных представлений о том, что стоит за данными терминами родства в разных языках. Как указывает С. Г. Тер-Минасова, *бабушка* в России и *бабушка* в ряде европейских стран (в частности в Великобритании) – это два разных образа, они по-разному выглядят, одеваются, у них разные функции в семье, разное поведение, разный образ жизни. Русская *бабушка*, как правило, занята в новом статусе еще больше, чем раньше: она растит внуков, ведет хозяйство, предоставляя возможность своим детям работать и зарабатывать деньги. Английская *grandmother* посвящает свободное время себе: она много путешествует, ярко одевается, старается наверстать упущенное в плане развлечений, приятного времяпрепровождения и т.п. [5, с. 59]. Именно это несоответствие образов и является, на наш взгляд, основной причиной заимствования русской лексической единицы *бабушка* в английский язык.

Жизнь заимствованных слов в языке-реципиенте достаточно интересна. Под влиянием системы, в которую они входят, многие заимствования претерпевают значительные фонетические, грамматические, а в ряде случаев и семантические изменения, приспосабливаясь к фонетическим, грамматическим и семантическим законам данной системы. Процесс ассимиляции может быть настолько глубоким, что иноязычное происхождение таких слов может не ощущаться носителями языка и обнаруживаться лишь с помощью этимологического анализа. В отличие от полностью ассимилировавшихся и усвоенных заимствований частично ассимилировавшиеся и неассимилировавшиеся иноязычные единицы сохраняют следы своего иностранного происхождения в виде фонетических, грамматических и семантических

особенностей. С целью адекватного описания подобных единиц в толковых словарях лексикографы широко используют энциклопедическую информацию, раскрывающую суть обозначаемых предметов и явлений. Знание этой информации необходимо для действительного усвоения семантики подобных заимствований [2; 6, с. 18–19].

Лексическая единица *babushka* не становится исключением и, входя в структуру английского языка и закрепляясь в ней, получает фиксацию в толковых словарях языка-реципиента. При этом искомая лексическая единица утрачивает присущую ей неоднозначность. Так, в современном русском толковом словаре семантика слова *бабушка* представлена в виде двух отдельных лексико-семантических вариантов ‘мать отца или матери (по отношению к детям своих детей – внукам)’ и ‘старая, пожилая женщина’ [7, с. 54], в то время как в английском толковом словаре эта же информация объединена в одном значении [4, р. 94]. Объяснить это можно тем, что «решение об однозначности или многозначности той или иной единицы зачастую становится результатом искусства лексикографа или демонстрацией лексикографического произвола, точнее, произвольности, допускаемой составителями словарей» [8, с. 166]. Более того, одним из важнейших компонентов семного наполнения значения английского слова *babushka* становится национальная принадлежность пожилой женщины ‘a Russian old woman or grandmother’ [4, р. 94], то есть при заимствовании значение искомой лексической единицы подвергается не только количественному, но и качественному изменению, а именно, некоторому сужению значения по сравнению с русским языком.

На этом качественные изменения, сопровождающие процесс заимствования слова *бабушка*, не заканчиваются: устойчивая ассоциативная связь между русской пожилой женщиной и головным убором, который она носит (речь идет о платке, завязываемым под подбородком), способствует тому, что слово *babushka* развивает вторичное значение ‘a traditional Russian woman’s headscarf, tied under the chin’ [Там же], что, как свидетельствуют результаты проведенного нами анализа, носит единичный характер в среде английской экзотической лексики независимо от ее происхождения.

Неспособность экзотического слова к развитию своей семантической структуры, то есть полисемии, уже поднималась в трудах, посвященных проблемам заимствования. Так, Е. В. Маринова указывает на то, что экзотизмы однозначны. Многозначность свойственна лишь тем из них, которые «перенесли» ее из языка-источника. Возможность изменить план содержания у слов-экзотизмов ограничена. Семантическая структура их лексического значения стабильна, устойчива и может быть подвержена только старению, в этом случае экзотизмы пополняют разряд историзмов. В единичных случаях, когда экзотическое слово употребляется в речи не в прямом смысле, а в переносном, развившемся уже на почве языка-реципиента, оно переходит в разряд неологизмов [9].

Примечательно, что развитие неоднозначности у экзотических лексических единиц в языке-реципиенте может повлечь за собой появление лакун в языке-доноре. Как отмечает З. А. Харитончик, вследствие универсальности законов человеческого мышления и использования в качестве фундамента метонимии объективно существующих связей между называемыми одним именем объектами и явлениями можно ожидать появления у коррелятивных слов однотипных переносных значений. Сопоставление многозначных слов в разных языках показывает, что такое совпадение действительно имеет место, но оно неабсолютно. Наряду с аналогичными типами значений в семантике коррелятивных многозначных слов в разных языках наблюдаются многочисленные метонимические лакуны [6, с. 53–54].

С появлением у английской лексической единицы *babushka* вторичного значения в русском языке также возникает своеобразная лакуна: мы не найдем в русском языке отдельной лексической единицы, используемой для наименования того, что носители английского языка подразумевают под традиционным женским платком, который завязывается под подбородком. Что касается слова *платок*, то в современном русском толковом словаре его семантика представлена в виде следующих лексико-семантических вариантов ‘предмет одежды: кусок ткани или вязаное изделие, обычно квадратной формы, свертываемое по диагонали и надеваемое на голову или набрасываемое на плечи’ и ‘небольшой квадратный кусок тонкой ткани для сморкания’ [7, с. 839].

Следует отметить, что лакунарность языковых единиц представляет собой яркое проявление национальной специфики языковых систем и может сигнализировать об отсутствии в национальной концептосфере соответствующего концепта, однако отношения «лакуна – концепт» в действительности складываются сложнее. Как считают М. А. Стернина и А. А. Махонина, «отсутствие стабильного языкового выражения для какого-либо концепта еще не свидетельствует о его отсутствии, так как концепты могут не иметь общеязыкового выражения в силу тех или иных причин: они могут быть личными или принадлежать малой группе людей (тогда они будут иметь только личные или групповые названия, но не общеязыковые); они могут не быть коммуникативно релевантными, то есть не нуждаться в силу тех или иных причин в обсуждении, хотя при этом остаются структурными единицами мышления» [10, с. 209–210]. Далее эти же авторы отмечают, что причины отсутствия средств системной языковой объективации для имеющихся концептов – предмет для исследования. При этом общая причина, несомненно, – отсутствие коммуникативной потребности, в результате чего не осуществлена номинация. Но отсутствие коммуникативной потребности тоже требует объяснения с позиций уклада жизни, менталитета, тематики общения и т.п. (это также предмет для исследования и выдвижения гипотез) [Там же].

Таким образом, обнаружив в том или ином языке на фоне другого языка некоторые лакуны, мы не можем на этом основании однозначно утверждать,

что у этого народа нет соответствующего концепта в концептосфере: необходимо дополнительно проанализировать предметную, мыслительную и коммуникативную сферы народа, чтобы в этом убедиться. Вместе с тем любая лакуна – сигнал для исследователя о возможном отсутствии концепта у народа, и все такие «сигналы» необходимо тщательно проверять [11, с. 164].

В наше время, когда практически никто в развитых странах не носит национальную одежду в повседневной жизни, а индустрия моды диктует свои законы по всему миру, объединяя тем самым людей по манере одеваться, можно говорить об определенной степени близости бытовой культуры русского и английского этносов [10, с. 189]. В связи с этим возникает вопрос, есть ли объективные предпосылки для развития словом *бабушка* подобного значения в русском языке.

Мы считаем, что в настоящее время таких предпосылок нет: выявлению особенностей национального языкового сознания народа – связи слов в сознании, их смысловой и иерархической подчиненности, яркости тех или иных компонентов значения слова-стимула, их ценностной нагрузки в социуме – способствуют ассоциативные эксперименты [12, с. 56]. Так, анализ данных, предоставленных в русском ассоциативном словаре, свидетельствует о том, что среди 508 реакций на слово-стимул *бабушка* слово *платок* имеет частоту 4 и занимает десятую ранговую позицию наряду с такими словами и выражениями, как *внук*, *внучка*, *доброта*, *родня*, *рядышком с дедушкой*, *с дедушкой* и *старость* [13, с. 41–42].

Не секрет, что национально-культурное своеобразие того или иного языка может проявляться не только в наличии безэквивалентной лексики, но и в отсутствии лексики, имеющейся в других языках, то есть в наличии языковых лакун. На наш взгляд, более полное и детальное изучение данных явлений, особенно в близкородственных языках (например, русском и белорусском), может стать достаточно интересным и перспективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирницкий, А. И. Лекции по истории английского языка (средний и новый период) / А. И. Смирницкий. – 3-е изд. – М. : Добросвет, 2000. – 238 с.
2. Добродомов, И. Г. Заимствование / И. Г. Добродомов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / редкол.: В. Н. Ярцева (гл. ред.) [и др.]. – 2-е изд. (репр.). – М. : Большая рос. энцикл., 1998. – С. 158–159.
3. Супрун, А. Е. «Экзотическая» лексика / А. Е. Супрун // Филологические науки. – М., 1958. – № 2. – С. 52–54.
4. Hornby, A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby ; ed. by S. Wehmeier [et al.]. – 7th ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2005. – 1780 p.
5. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 264 с.

6. *Харитончик, З. А.* Лексикология английского языка / З. А. Харитончик. – Минск : Выш. шк., 1992. – 229 с.
7. Новейший большой толковый словарь русского языка / редкол.: С. А. Кузнецов (гл. ред.) [и др.]. – СПб. ; М. : Норинт ; РИПОЛ, 2008. – 1536 с.
8. *Харитончик, З. А.* Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование : избр. тр. / З. А. Харитончик. – Минск : МГЛУ, 2004. – 367 с.
9. *Маринова, Е. В.* Экзотическая лексика как лингвистический феномен [Электронный ресурс] / Е. В. Маринова. – Режим доступа : http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990196_West_filol_2003_1%283%29/B_3-7.pdf. – Дата доступа : 07.11.2018.
10. *Стернина, М. А.* Межъязыковые лакуны и национальная концептосфера / М. А. Стернина, А. А. Махонина // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002. – С. 176–210.
11. *Попова, З. Д.* Лакуны и безэквивалентные единицы в лексической системе языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин, М. А. Стернина // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002. – С. 155–170.
12. *Попова, З. Д.* Некоторые приемы выявления национальной специфики языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002. – С. 52–58.
13. *Караулов, Ю. Н.* Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / Ю. Н. Караулов [и др.]. – М. : Астрель ; АСТ, 2002. – Т. 1 : От стимула к реакции : около 7 000 стимулов. – 784 с.

The article touches upon the problem of the national properties of the English and Russian lexicons which can manifest themselves both in the presence of lexical units with no equivalents in other languages and in the presence of lexical gaps (the absence of lexical units in particular places in semantic fields of the languages).

Поступила в редакцию 29.12.2020